

***Кузнецова Лариса Васильевна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ВРЕМЕНИ.

В начале июня 1941 года мне только – только исполнилось семь лет, а 22го началась война. Я ходила в детский сад; в то время учиться в школе дети начинали с 8^{ми} лет.

С началом военных действий в Ленинграде, было отдано распоряжение наш детский сад эвакуировать в Боровичи. Родители были предупреждены воспитателями, они должны были собрать все необходимые вещи.

Всех детей: и мальчиков, и девочек обрили наголо – «под машинку».

Перед тем, как со мной расстаться мама решила меня сфотографировать. На меня одели новенькое платьице и мы с мамой собрались идти в фотоателье...

«Мамочка одень мне бусики, а то будут думать, что я мальчик» - просила я маму.

Вот эта фотография бритоголовой семилетней девочки, снятая в июле 1941г.

Из Боровичей меня спасла бабушка месяц спустя. В сводках говорилось, что немец шел так интенсивно, а Боровичи западнее Ленинграда, и бабашка бросила здесь все, никому ничего не сказав, кинулась за мной. Боровичи остались под немцем.

С пребывания в Боровичах мне запомнилось несколько моментов. Мы, дети, жили в двухэтажном деревянном доме, передним двор или лужайка за штакетником. Как-то мы гуляем, воспитательница следит за нами, а на завалинке сидит черноволосая девочка Тамара, без одежды и ревет. Она было наказана за что-то, скорее всего, влезла в канаву. А мне надоело смотреть, как Тамара ревет, ребята разрозненно бегают, не было одной толковой игры, я зашла за дом, где потише. А там заросли травы, в них обнаружила дудки-трубки. Ломала стебли трубки и высасывала их них сладковатый сок. Когда я вышла опять на площадку перед домом, я никого не нашла, никого нет, все ушли. Я осталась одна, но быстро сообразила, что все пошли обедать, поскольку это был день. Видимо я хорошо помнила дорогу в столовую, поэтому быстро побежала догонять остальных.

Потом за нами приехали две бабушки, каждая за своей внучкой. Жили в одном дворе. Так вчетвером и бежали на вокзал. Потом случился налет. Самолеты просто пролетали. Они даже не бомбили. А мой детский сад так и остался в Боровичах, некоторых детей родители так и не догадались или не смогли вовремя забрать.

Помню, как мы шли на станцию, чтобы вернуться в Ленинград, но случился налет и мы стали проситься в ближайшие дома, чтобы переждать, в одну избу нас пустили. Я, городская девочка, никогда не видевшая деревни, впервые увидела нищую деревенскую избу, там не было даже мебели. В углу комнаты, под лоскутным одеялом лежали как сардинки, головок 5. И я в этот уголок приткнулась. Это было всего несколько минут, вражеские самолеты шли на город. Когда все стихло, мы с бабушкой пошли на станцию. Как мы садились в поезд и доехали домой, я уже не помню.

Вернулись и стали готовиться в эвакуацию. Мама с нами ехать не могла, т.к. предприятие, на котором она работала, было сразу переведено на военный режим и ей одной довелось пережить в блокаде самую страшную, суровую, голодную зиму 1941-1942 года.

Меня взяла с собой тетя, которая эвакуировалась с заводом «Красная заря», где она работала в редакции заводской многотиражки. Нас (тетя, бабушка, двоюродный брат и я) разместили в товарных вагонах, которые тогда назывались теплушками. У такого вагона одна большая, скользящая в сторону, дверь. Симметрично относительно двери расположены маленькие окна. Внутри середина свободна, а сбоку от стены до стены – антресоли, полки: люди располагались на них. Когда было душно и жарко двери приоткрывали, была сделана перекладина на двери, которая предохраняла людей от падения из вагона. Люди ютились семьями в этих теплушках. В дороге у меня у самой чувства страха не было, я полностью доверяла своей семье. И раз они едут, значит так надо.

Под Москвой, наш эшелон подвергся бомбежке. Вдоль состава бежал начальник эшелона и кричал: «Всем выходить и отойти подальше от железнодорожных путей».

Растерянные люди спрашивали: «А вещи с собой брать?» - «Какие вещи... только документы. И как можно скорее подальше от железнодорожного полотна».

Брат, он старше меня на 10 лет, нес меня на руках, завернутую в ватное одеяло. Мы бежали через луг к лесу, который оказался лесопарком. У первых же деревьев остановились. Меня прислонили к стволу дерева и тетя, бабушка и брат заслонили, окружили меня. Волнение взрослых передалось и мне: стало страшно и хотелось вжаться в землю. Позади дерева я увидела широкую заросшую травой канаву и попросила: давайте спрячемся там. «Нет, мы посидим здесь – ответила тетя – там может быть грязно».

Как возвращались в теплушки, я уже не помню.

В эвакуации в городе Уфе мне досталось переболеть малярией. Вторая фотография относится к 1942-1943 гг., когда я уже училась во 2^м классе.

Уже в мае 1942 года к нам приехала мама. Мы тогда жили в общежитии. Комнатка в 24 м² разделенная пополам на две семьи.

Мы с бабушкой болели малярией. Первой заболела бабушка. У неё приступ был в пять часов дня. У неё была любимая большая пузатая оранжевая чашка. И вот, неся эту чашку на блюдце до места, где собиралась пить чай, её трясло и чашка, у неё на блюдце прыгала, она чувствовала озноб, её лихорадило – малярийная тряска.

У меня приступ был в 11 часов утра. Я уже училась во втором классе, был 1943 год. Мы сидим в классе втроем с девочками за одной партой. И они говорят учительнице, что мне плохо. А у меня озноб, тряска. И учительница меня

отпустила домой одну. Как я дошла не помню, единственное, что могу сказать, что шла от осветительного столба до осветительного столба. Дома меня закутывали во все, что было, но этот малярийный озноб не сбить ничем. Меня лечили хиной, это белый порошок, горчайший-прегорчайший. Нас с бабушкой этой хиной и подлечили.

В мирное время, когда к нам на производство приезжала станция переливания крови, то спрашивали, не болел ли кто гепатитом, какие были заболевания перенесены. Я отвечала, что у меня была малярия. Это значило, что она уже немного подпорчена. Кровь брали, но на моей карточке красным карандашом всегда стояло ДК, которое расшифровывалось как ДЛИТЕЛЬНАЯ КОНСЕРВАЦИЯ. После определенного промежутка времени моя кровь годилась для медицинского применения.

К нам пришел мой другой двоюродный брат, от средней сестры Елены Сергеевны, его Мишей звали. Он меня почти на год младше, а мама была после ночной смены – отсыпалась. Она работала на фрезерном станке на заводе, после того как приехала к нам в 1942. За шкафом была включена электроплитка, а на ней большой овальный цинковый таз, в котором кипятилось белье. И мы с братцем решили помочь: помешать белье. Поскольку плитка небольшая, а таз объемный, у нас это все опрокинулось, и плитка вспыхнула.

Открытая спираль похожа была на факел, братец выскочил в коридор и стал кричать: «Пожар! Пожар!» А я в ужасе застыла, еще не сообразив, что делать. От этого крика мама проснулась и моментально сориентировалась. Выключила плитку, пожар быстро прекратился.

К 8 марта, мы с моим двоюродным братцем готовили подарок для мам. А что мы могли? Мы откладывали кусочки сахара, накапливали – отказывая себе в сладком, чтобы подарить их маме. В результате, у братца не хватило выдержки, и он все слопал.

ИЗ РАССКАЗОВ МАМЫ.

В Ленинграде мы жили на Лесном проспекте, это Выборгский район, там, где проходит железнодорожный мост над Литовской улицей. В блокаду мама ходила пешком к старшей сестре Марии. Они жили с мужем Костей на Петроградской стороне, угол Большого и Введенской - Ижорская улица. В семье тети Маруси

было пять детей – четыре девочки и один мальчик. Из этой семьи в семь человек уцелело только трое. Две старшие девочки – Ира и Наташа, им было уже 20 – 22 года, они работали в госпитале, только за счет медикаментов и глюкозы выжили. А младший Саша выжил, может быть за счет приспособляемости организма, маленький был. Остальные умерли голодной смертью. Была ситуация, когда тетя Маруся, родная мать, откровенно говорила «За хлебом меня не посылайте, я его не донесу». Поэтому именно моей маме доверялось покупать и делить их паек. Мама при них развешивала блокадные 125 на старых аптекарских весах, это были крошечные тарелочки на подвесном разновесе. В 1943 году, после прорыва блокады, тетя Ксана, старшая сестра Маруси, приехала из Уфы и забрала Сашу к себе. Ира и Наташа продолжали жить и работать в городе.

Когда в нашем общежитии, где мы жили, было объявлено в 4 часа утра 9 мая, что война закончена все люди вышли из своих комнат, своего жилья, все коридоры и площадки были заполнены. Люди ликовали, а мальчишки катались с перил, их никто не останавливал, все радовались, поздравляли друг друга.

Когда мы с мамой возвращались в Ленинград, в апреле 1946 года, ехали через Волгу, было жарко. Я забралась на третью полку, а мама меня все маслицем подкармливала. А поскольку было жарко, это растопленное масло меня нисколько не прельщало.

В городе наше жилье было занято, и мы жили у родственников, на Ижорской улице. Потом через суд нам вернули из двух комнат маленькую, где мы с мамой и жили.

В городе больших руин я не видела, поскольку на месте разбомбленных домов были разбиты скверы или они были замаскированы. Город уже ожил. Трамваи пошли.

Помню, писала письмо подружкам, которые остались в Уфе и возвращались позже. И единственное что я могла сказать о состоянии города, о том, что видела таблички, что «Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле».

О МОЕМ БРАТЕ БОРИСЕ

Хочу добавить еще несколько слов о своем брате Борисе.

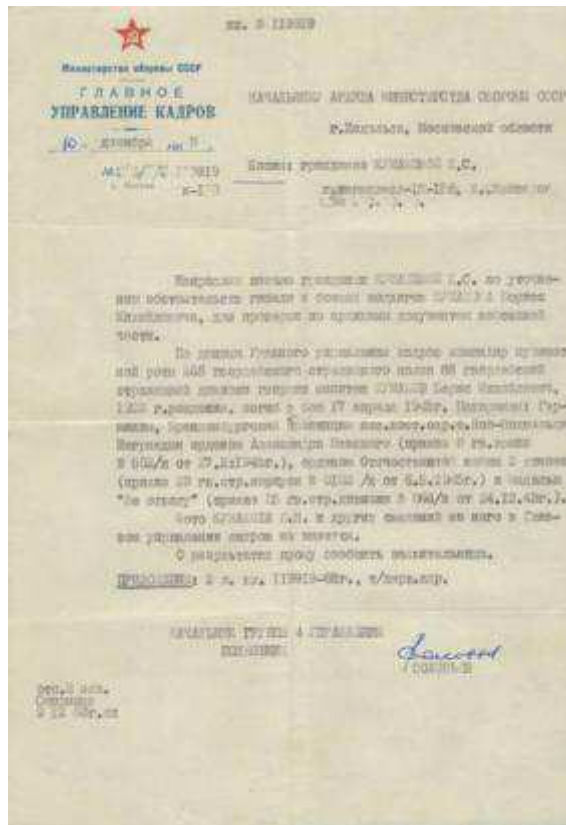
Мой старший брат Борис ушел добровольцем на фронт. Он родился 31 декабря 1923 года. Первый раз, когда ему было всего 17 лет. Его взяли в лыжный отряд. Потом получилось так, что он натер ноги, в результате – фурункулез. Его вернули домой с фразой: «Жди официального призыва».

Как только ему исполнилось 18 лет, он снова пошел в военкомат и был официально призван. Направлен в артиллерийское училище города Стерлитамак. По окончании училища, в звании младшего лейтенанта был отправлен сразу в Сталинградский бой. Пройдя всю войну от Сталинграда до Германии, был трижды ранен, имел три награды:

Медаль да отвагу

Орден Александра Невского

Орден Отечественной войны II второй степени.

Первое ранение- легкое, снаряд прошел по касательной по правой щеке от виска до скулы. Произошло это так. Подразделение артиллеристов еще не успело подойти до передовых, как было обстреляно.

Третье ранение, в бедро, у него случилось феврале 1945 года на Висле. Войска проходили Польшу. Наступление советских войск было настолько интенсивно, что медсанбаты не поспевали, а тем более госпиталя и он, как офицер, был помещен в дом к частному польскому врачу, от которого позже матери Бориса пришло письмо. Это письмо любопытно тем, что этот польский врач выражает восхищение русским молодым офицером, что он такой молодой, но уже такой рассудительный и судит трезво и правильно о происходящем. В письме врач использовал оригинальное обращение «Пани Кумакова, Ваш сын ...», которое было очень непривычно обычной советской женщине. Получилось так, что у этого врача он пробыл всего два-три дня, потому что его потом поместили в госпиталь. И лечение непосредственно происходило в госпитале.

После одного из боев - прорывов, в госпиталь привезена очередная партия раненных. Среди них оказался однополчанин. Борис сразу накинулся на него с вопросами: «Как там? Как?». И тот рассказывает, что продвижение дается тяжело. В том числе сказал, что его ординарец – друг погиб. Борис кинулся к главврачу с

просьбой: «Выпишите меня. Я должен отомстить. Догнать свою часть». Врач отговаривал брата. Был конец марта и все уже чувствовали, что до победы осталось совсем чуть-чуть. Врага загнали в его логово. Врач чувствовал это и пытался образумить, спасти его. Но все-таки Борис настоял. Под расписку врач его отпустил, и он кинулся догонять свою часть.

17 апреля 1945 года в бою под Франкфуртом, вблизи Одера, в бою за высоту погиб.

Вместе с документами матери был передан и рисованный портрет сына, исполненный его другом-ординарцем, чью подпись я не могу точно разобрать.

Рисунок 1945 года, я очень долго разбирала подпись, и так толком и не знаю точно, но с его слов знаю, что это рисовал его друг, ординарец. Это был портрет, и Борис запретил, у него было первое ранение, справа на скуле был шрам, рисовать этот шрам. Этот рисованный портрет Бориса создан вероятнее всего в начале 1945 года, потому что здесь он уже в звании капитана, а это звание он получил 3 декабря 1944 года.

Много лет спустя, в 1967 году мать Бориса посылала запрос в архив Министерство обороны СССР. И получила в ответ письмо, расшифровывающее за что её сын получил награды.

БРАТУ.

Борису Михайловичу Кумакову

Мой брат погиб в апреле в сорок пятом

Числа семнадцатого под Берлином.

Гремели орудий раскаты ...

Весна цвела в порыве едином.

Было ему семнадцать,

Когда началась война.

Призыва не мог дожидаться –

Помчался в военкомат.

Взяли его добровольцем

В какой-то лыжный отряд,

Но через пару месяцев

Вернули домой назад.

Оказалось – натер ноги

И случился фурункулёз.

Как ему было обидно;

Обидно было до слёз.

Только исполнилось восемнадцать –

Помчался в военкомат.

Направили в артучилище

В город Стерлитамак.

Вскоре выпуск. И он –
Лейтенант молодой
Направлен на фронт
В Сталинградский бой.

Первое боевое крещение –
Не дойдя до передовой,
С воздуха обстреляно подразделение,
Еще не успев вступить в бой.

Первое ранение – ранен в лицо.
Легко – по касательной, остался в строю:
Спешили защелкнуть Паулюса в кольцо,
Артиллерия начала работу свою.

Прошел от Сталинграда
Через всю войну.
Имел три ранения и награды,
Защищал свою страну.

Навстречу шквалу огня ...
Ему было двадцать один год,
Когда отдал «жизнь за други своя»,
Рванувшись в атаку: «Впере-е-д!»

Он так мечтал вернуться домой,
Он так хотел жить!
Он не успел насладиться весной,
Он не успел полюбить ...

Мой брат погиб в апреле в сорок пятом
Числа семнадцатого под Берлином.
Он был уже гвардии капитаном
И у матери единственным сыном.

**Воспоминания записала и оформила
Екатерина Меленцева
2012-2013гг**